

Предисловие

Это не совсем обычные воспоминания.

Необычны они прежде всего личностью того, кому они посвящены.

В бескрайнем потоке литературных мемуаров прошлого века Корнелий Зелинский упоминается крайне редко и, как правило, без особой приязни.

Репутация — страшная вещь, а литературная — тем более. Словно о ней сказано в известном пассаже из «Гамлета» (в переводе Пастернака).

Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мненье всех, будь доблести его,
Как милость Божья, чисты и несметны.
А все от этой глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.

У этой несимпатичной личности было множество заслуг. Не только перед официозной советской критикой, к которой он принадлежал, а действительных заслуг, которыми могли бы похвастаться не многие из советских критиков.

Редактирование и подготовка к печати сборника Анны Ахматовой в военном Ташкенте. Литературная реабилитация Есенина и Грина. Поддержка Солженицына в довольно трудную для того пору.

Кроме всего, общение со многими крупнейшими фигурами русской культуры прошлого века. Густав Шпет. Илья Сельвинский. Владимир Маяковский. Анна Ахматова. Борис Пастернак. Корней Чуковский. Максим Горький. Марина Цветаева... Со многими из них его связывала многолетняя дружба.

Да и сам он был человеком неординарным.

Философ, выпускник еще старого Московского университета, ученик Шпета и Ильина. Военный журналист на Гражданской войне. В 1920-е — вождь литературного конструктивизма. Да и в последующие годы, став вполне ортодоксальным советским критиком, отличался от большинства прочих коллег. Своей образованностью, интеллектуальным аристократизмом. Мог, например, на каком-нибудь редакционном заседании процитировать Монтеня. Не последнее постановление ЦК партии, и даже не кого-то из революционных демократов — Монтеня!

Ему не прощали того же, что в нем ценили. Образованность, интеллектуальный аристократизм, Монтеня — в сочетании с ортодоксальностью. Не говоря уже о том, что литературных критиков не слишком жалуют во все времена. А во времена, когда «перо приравняли к штыку» (перефразируя Маяковского), — тем более.

Впрочем, о том, кто и что ему не прощал и за что ценил, лучше всего расскажет эта книга.

Незаурядна и фигура автора этих воспоминаний.

Протоиерей Владимир Зелинский известен не меньше своего отца, если не больше. Это иная известность: время иное, все иное.

Даже в их биографиях мне видится какая-то зеркальность.

Корнелий Зелинский по образованию был философом, но стал филологом; Владимир окончил филологический, но известен именно

как философ, религиозный мыслитель, автор множества книг и статей по христианству.

Корнелий Зелинский пришел от детской если не религиозности, то причастности вере («...Я любил пасхальные ночи с их песнопениями, звоном и толпой заказных свечек вокруг церквей», как напишет в воспоминаниях) — к атеизму; Владимир Зелинский проделал противоположный путь. Приняв крещение, он вскоре стал одной из заметных фигур в религиозно-диссидентском движении, публиковался в самиздате и тамиздате. «На обыске у меня взяли 9 мешков книг, писем, рукописей...» — вспоминает отец Владимир в одном интервью. Сегодня он настоятель основанного им православного прихода «Всех скорбящих радость» в городе Брешиа на севере Италии.

Мы все, впрочем, в чем-то зеркально отображаем наших родителей. И всю жизнь возвращаемся к этому зеркалу, вглядываясь в черты и жесты по ту сторону стекла.

У Корнелия Зелинского было три сына — три единокровных брата. Судьба первого, Кая, трагична — «в 15 лет заболел туберкулезом, и болезнь сомнет, буквально расплющит его жизнь...» Он доживет до сорока, и Владимир поедет в Питер на его похороны: «...Я увидел его на прозекторском столе после вскрытия. Потом в морге, уже одетым. Был мороз, мать сидела рядом и грела его ледяные руки так, как будто в тот момент это было самое важное. „Смотрите, отогрела, отогрела!“ — повторяла она с улыбкой, и от этой улыбки, почти радостной, брала какая-то оторопь».

Отец Владимир Зелинский — средний; наконец, самый младший, Александр, благодаря усилиям которого происходит возвращение Корнелия Зелинского, публикуются его работы, создан сайт его памяти.

Но вернусь к воспоминаниям, хотя собственно воспоминаниями их назвать сложно: это напряженный диалог с отцом. Попытка понять

близкого человека, который во многих смыслах близким не был. И не только в силу семейных обстоятельств (Корнелий Зелинский ушел из семьи, когда Владимир был еще совсем ребенком). «Сын Зелинского» — среди гуманитарной либеральной интеллигенции 1960-х это было почти как каинова печать. Не случайно воспоминания начинаются с того, как из-за этого Владимира Зелинского чуть не провалили на вступительных экзаменах в МГУ.

«Разговор с отцом» перерастает привычные рамки жанра и становится документом эпохи, а в каком-то смысле и надвременным. В них нет осуждения, но это и не попытка оправдать, обелить любимым способом. Не отвернуться от «капли зла» (и не одной) в том, о ком вспоминаешь, — но понять, как, каким образом эти черные капли возникали, как рассеивались во всем этом поколении, даже нескольких поколениях, перепаханных революцией и четырьмя последующими десятилетиями. Прежде всего в кругу самого Корнелия Зелинского, среди писателей, поэтов, критиков.

Это опыт понимания и любви. Любви и понимания.

«Я не пишу воспоминаний, которых не так уж у меня и много, но лишь принимаю его наследство, прежде всего, чтобы понять отца в его времени, и, как патетически это ни звучит, также и время в отце».

Но воспоминаний и личных свидетельств в книге тоже достаточно. Порой неожиданных даже для тех, кто знаком с биографией Корнелия Зелинского. Например, решение Зелинского в 1962 году попросить политическое убежище в Англии — и последующий отказ его от этой идеи. Или поддержка Солженицына и письмо «начальнику писателей» Федину о засилье цензуры...

Но это, скорее, фон.

Среди проповедей преподобного Феодора Студита, выдающегося богослова и гимнографа, есть эпизод, где он описывает, как однажды принимал исповедь у своей матери. «Я, несчастный, проникаюся

Предисловие

стыдом всякий раз, как подумаю, что она называла меня господином и отцом, повинуюсь мне не как мать, но как дитя».

«Разговор с отцом» — тоже своего рода исповедь. Исповедь отца перед сыном. Исповедь сына перед читателем. И вызываемое этим в нас, читателей, желание глубже понять самих себя, свои отношения с семьей, временем, историей.

Евгений Абдуллаев